

Как нам теперь печатать А.С. Пушкина для школьников?

Виктор Чумаков,
член Союза
писателей России

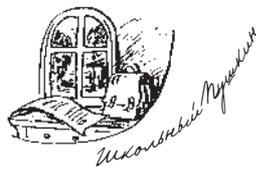
Спросите учителя словесности средней школы любой модификации, любят ли школьники читать Пушкина? Как понимают они текст «Евгения Онегина»? И выяснится, что хотя фабулу романа знают все или почти все, а вот во всех деталях Поэмы, бывает, не в состоянии разобраться даже некоторые преподаватели. Увы, но многие строфы «Онегина» юношеству нашему сходу читать затруднительно. А что тут поделаешь? Время берёт своё. Потоки новой, как правило, американизированной лексики вперемешку с языком зоны, фени и попсовых песен внедряются в сознание детей и недосуг им лезть в толковые словари и энциклопедии, чтобы понять и осмыслить, что же сказал Поэт в далёкие 1820–1830-е годы. И я уверен, что в расшифровку смысла, разгадку семантики при подготовке новых изданий Пушкина для детей и юношества нужно решительно и немедленно вмешаться.

С семантикой теснейшим образом связана проблема графического облика текстов Пушкина для современного юного читателя. И это не только выбор выразительной гарнитуры (фасона шрифта) и кегля (размера литер), обильное иллюстрирование — и всё это на добротной белой бумаге, но также неуклонное применение азбуки из 33 букв, то есть с обязательным печатанием буквы Ё, а когда осмысление текста или рифма требуют, то и значка ударения, прописных букв, а это всё орфография — правописание, если по-русски.

Мы пожинаем сейчас горькие плоды подгонки орфографии издаваемых в нашей стране после 1918 года произведений Пушкина и всех других классиков под требования сомнительной реформы, уничтожившей четыре буквы азбуки и ви́дшей значительную дозу ералаша в написание многих слов: например, *безтрепетный*, — а стало *бес трепетный* (слитно, конечно, и с забвением истины: не зови чёрта...). Да к этому идеология добавила своей спеси, предписав со строчных букв печатать: Бог, Спаситель, Вера, Пресвятая Дева, Государь Император и другие подобные слова.

Доктор филологических наук, профессор Игорь Георгиевич Добродомов пишет в статье «Чем грозила и грозит «реформа» орфографии»:

«Любопытно, что все попытки вносить изменения в русскую орфографию носили самодовлеющий характер и редко связывались с предыдущими, а последующие реформаторы в свою очередь так же забывали о поползновениях своих предшественников. Характерным примером было введение в школьную практи-

ку обязательного употребления буквы ё приказом Народного комиссариата просвещения от 24 декабря 1942 года, которое не было реализовано... Уже составители «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года благополучно забыли об этом весьма важном улучшении русского правописания, забыли о нём и последующие реформаторы, хотя введение обязательного употребления буквы ё значительно улучшило бы наше правописание»¹.

Вопрос о том, можно ли изменять, а тем более исправлять орфографию Пушкина, волнует общественность уже не менее 150 лет. Это волновало и самого Александра Сергеевича, который в письме к брату и сестре от 27 июня 1821 года горько сетует, что «Чёрную шаль» «чорт знает как напечатали». А издатели первого собрания его стихотворений (1826 г.) извиняются перед поэтом и перед публикой в том, что «по недосмотрению корректора» в книге допущены «значительные типографские ошибки». Хорошо известно, что Пушкин следил за текстом отпечатанных друзьями сочинений, проверял его, указывал ошибки, а некоторые произведения корректировал сам.

В.И. Чернышёв, член Комиссии по вопросу о русском правописании и автор изданного в 1907 году труда «Из истории русского правописания», писал: «Прежде всего нужно решить общий вопрос: имеем ли мы право, говоря о печатных текстах Пушкина, называть орфографию книги орфографией поэта. Книга печатается не всегда с подлинной рукописи, а набранная в печати она не всегда корректируется самим автором... Выражение «так писал Пушкин» вместо «так напечатано в таком-то издании сочинений Пушкина» можно понимать в крайнем случае как условный словесный оборот, стоящий на месте другого более точного». Преподаватель Санкт-Петербургского Благовещенского Городского училища Чернышёв с горечью замечает: «Мы имели много случаев убедиться в печальной истине, что правщики пушкинских текстов очень часто делали совершенно не нужные или даже крайне неудачные поправки, а также во множестве случаев под видом правописания исправляли язык и слог великого поэта». Он приводит 50 примеров искажений текстов поэта, оказавшихся в издании под редакцией Морозова 1887 года. Например, такие: в первопечатном тексте — *два дни*, а у Морозова — *два дня* и соответственно: *Цареградского Салтана* — *цареградского султана*, *генеральный Судія* — *генеральный судья*, *Марія* — *Марья*, *какого роду* — *какого рода*, *татарё* — *татары*, *Памфиловна* — *Панфиловна* и т.д.

В свете вышесказанного я прекрасно осознаю всю полноту ответственности, предлагая напечатать наконец-то текст «Евгения Онегина» с буквой Ё, и со знаками ударения, и с авторскими заглавными буквами везде, где современная норма стала иной, чем в пушкинские времена. И, конечно, это не призыв тупо и неуклонно напечатать Ё в пушкинских текстах во всех словах, в которых она ныне есть и зафиксирована в словарях, например, в «Русском орфографическом словаре» (160 000 слов) под редакцией проф. В.В. Лопатина. А сделать это осмысленно и научно верно смогут лишь специалисты. В этом-то и прелесть использования русского языка, живущего жизнью загадочного, чудесного существа, способного постоянно омолаживаться.

Корифей — академики Л.В. Щерба и В.В. Виноградов — в своих трудах смело и абсолютно справедливо представляют букву Ё и значок ударения в таких всем знакомым строках:

Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу тянется извозчик...

И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач...

Ничего не стоит написать разъяснение, что это ударение сейчас уже не норма, а тогда, в эпоху Пушкина, бывало.

Мнимая архаичность текстов Пушкина... Она совсем не такая, как у его современника Николая Карамзина или у предшественника Михаила Ломоносова. В целом язык Пушкина удивительно современен. Но это язык эрудита, просветителя, образованнейшего мыслителя своего времени, гения. Планка его творений очень высока. И глубоко уважая читателя, он к «Евгению Онегину» даёт 44 пояснения, поместив их в конце книги. И вот скоро уж 180 лет, как лишь эти 44 его разъяснения кочуют из издания в издание. Ну кто мешает хотя бы для детей и юношества дать их больше, чем 44, пояснив, что они не пушкинские? Время идёт, поколения и эпохи сменяются, обновляется и «списочный состав» кумиров культуры и властелинов умов прошлого. Сейчас уже не обойтись без разъяснений к самим «Примечаниям к «Евгению Онегину»». А где они для детей и юношества?

Кто сейчас знает, что такое или кто такие *архивны юноши*, *эклога*, *цевница*, *Гарольдов плащ*, *васисдас*, *мадригал*, *in-quarto*, *Автомедон*, *анакорет*,

1

Русский вестник.
2003. № 15–16.
С. 14–15.

двойной лорнет или понимает заложенный в них смысл, а подобных слов в гениальном творении поэта немало. Просто нужно знать или догадываться, что какие-то слова ему совершенно непонятны, и немедленно их разъяснить или сноской на странице, или отсылкой в конец книги. И это не пресловутое «Знаю как». Это уже было. В 1884 году. В Сочинениях А.С. Пушкина издание для школ. Для старших классов гимназий, реальных училищ и институтов. Под редакцией К. Козьмина. Издание книжного магазина наследн. бр. Салаевых. Все 44 примечания к «Онегину» вынесены под их номерами прямо на страницы. И здесь же, но звёздочками даны пояснения таким, например, словам: *Фобляс, охтенка, Сей, Бенгам, Тассо Торквато, Брента, Петрарка, Байрон, Салгир, Дриады, фармазон, С душою прямо геттингенской, Кант, Лета, Аониды, филлида, Вандиг, Как Богдановича стихи, Парни, Фрейшиц, Прадт, Инокрена, Мельпомена, Талия, Гиббон, Руссо, Манзони, Фонтенель, Гердер* и многим другим. Разве это плохо было сделано 120 лет назад? С огромным уважением к читателям и к Автору.

Наверное, следует подумать о включении в пушкинские книги для детей и некоторых комментариев знаменитых пушкиноведов — Юрия Михайловича Лотмана, Владимира Владимировича Набокова и других.

«Что ж начинать?» — Начнём, пожалуй...

И начнём с первой же строфы.

«...Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя?»

У Пушкина было *чорт* и, конечно, *возьмет*. Ради Бога простите одну из *черт* моего характера — занудство, но печатать сейчас нужно только: «*чёрт возьмёт*», если мы уважаем *ВСЕХ* читателей, говорящих на русском языке.

В пушкинские времена никакой орфографической комиссии не было, но изменения правописания происходили. Например, всего через шесть лет после его гибели читатели издаваемого М. Погодиным «Московитянина» в части III, № 6 на с. 510 в статье знаменитого критика Стенана Шевырёва видели такой пассаж: «Кроме того, он же самую позорною клеветою чернит совесть покойного поэта (зд. *Лермонтова*) перед глазами всей Русской публики и не в шутку уверяет её, что Русская поэзия в лице Лермонтова в первый раз вступила в самую тесную дружбу, с кем бы вы думали?.. с чёртом!»

Да, в 1843 году Шевырёвым напечатано *чёртом*. А уже в конце того же века точки в этой букве из-за нашей лени стало изображать обременительно, и пошли по страницам гулять не только *черти*, но и *черт* — омограф некоторых *черт русской природы*.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал:
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринуждённо;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.

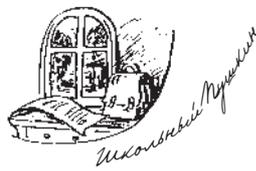
Есть ли хоть какой-нибудь запрет в правилах русского языка не ставить знак ударения в архаизмах? Такого не обнаруживается, а поэтому за напечатанное *непринуждённо* очень многие скажут нам спасибо. Так же и за то, что юный Евгений был «*умён и очень мил*».

...С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнём неожиданных эпиграмм...
...Пред ним roast-beef окровавлённый,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет
И Страсбурга пирог нетленный...
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полёт?
Иль взор унылый не найдёт
Знакомых лиц на сцене скучной...

Хоть снобы и гурманы обвинят меня в кощунстве, но что такое *Страсбурга пирог нетленный* и кто такая *Терпсихора* следует пояснить немедленно прямо на этой же странице. Как это уже делали издатели в 1884 году.

То стан советёт, то разовьёт
И быстрой ножкой ножку бьёт.
Всё хлопает. Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложки незнакомых дам;
Все яруссы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он...

Сейчас бытует мнение, что в XIX веке в слове *всё* буква *ё* никогда не печаталась. Это не соответ-

вует действительности. В стихотворении Г.Р. Державина «К арфе N.N.» слово *всё*, например, есть в «Аонидах» Н.М. Карамзина в третьей книжке, увидевшей свет в 1798–1799 годах, есть и раньше — в 1795 году. Тем более сейчас, когда буква *ять* исключена из алфавита, необходимо ставить точки в букве Ё в слове *всё*, об этом, кстати, и в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года сказано, да кто их, эти Правила, выполняет.

...И чувств изнеженных отрада,
Духи в гранёном хрустале;
Гребёнки, пилючки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щётки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов...

Слово *гранёный*, без сомнения, следует печатать с буквой Ё, потому что оно есть в «Аонидах» (кн. 3, с. 187) с забавной опечаткой:

Сыплется хрусталь гарнёный.

Слова *гребёнки* и *щётки* тогда писались, а, возможно, и произносились без Ё. Во всяком случае, у В.И. Даля написано *гребёнки* и *щётки*. Ныне это выглядит и звучит весьма архаично. Если же мы сейчас напишем *гребёнки* и *щётки*, то это никак не повлияет на рифму и просодию строфы. Что же касается эвфонии (благозвучия), то уж, конечно, вряд ли *гребёнки* и *щётки* прозвучат уместно, даже из уст современного выдающегося актёра.

И рёвом скрыпок заглушён
Ревнивый шёпот модных жён.

У Даля есть *рёв*, у Пушкина было *шопот* и, конечно, не нужно изменять написание старинного имени Богини музыкальных инструментов. А зарифмованные слова *заглушён* — *жён* теперь совершенно естественны.

Прошла любовь, явилась Муза
И прояснился тёмный ум.

Есть современные издания, в которых напечатано *муза*. Непонятно, зачем вопреки Пушкину это нужно так приземлить?

Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,

И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад,
Приют задумчивых Дриад.

Слова *сёлы* и *запущённый* взяты из изданного отдельной изящной книжечкой в 1978 году (М.: Детская литература. Отв. ред. Н.В. Белякова) «Евгения Онегина». Правда, там напечатано *сёЛА* и *дриад*, что явно недопустимо. Кто такие *Дриады*, нужно пояснить прямо на этой же странице.

...Ярем он барщины старинной
Оброком лёгким заменил...

Если в «Онегине» будет расставлена буква Ё, не потребуется, чтобы не ошибались, печатать *ярем*. А вот что касается слова *лёгким*, то обопрёмся на могучий авторитет академика Гаврилы Романовича Державина. В его сочинениях, изданных в 1798 году, на странице 204, может быть, впервые в истории русской орфографии напечатано *лёгкие скоки*. И снимем шляпы перед теми, кто найдёт слово *лёгкий*, напечатанное с буквой Ё раньше.

Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гёте,
Их поэтическим огнём
Душа воспламенилась в нём.

Крайне важно здесь поставить ударение в антропониме *Гёте*, хотя ясно, что правильно только *Гёте*, чтобы подчеркнуть право великого поэта на некоторые вольности.

...И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слёзы...

Слово *слёзы* впервые напечатано в 1797 году во второй книжке «Аонид» на с. 176 у Николая Михайловича Карамзина со сноской, что буква ё означает звук $\hat{\text{o}}$.

А ныне всё мне тёмно, Таня;
Что знала, то забыла. Да...

Да, именно так: *всё мне тёмно*, напечатано во многих изданиях поэмы, и здесь остаётся только напомнить, что впервые слово *всё* было напечатано в 1795 году в сочинениях И.И. Дмитриева. Сейчас

же, через 200 лет, встречаются «Евгении Онегины», где *всё* напечатано с буквой Е и смысл улавливается только после серьёзного анализа текста. Спасибо Вам, Иван Иванович. Может быть, ваш пример послужит наукой редакторам Пушкина.

Разлитый Ольгиной рукою
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стёкла хладные дыша...
Так бедный мотылёк и блещет,
И бьётся радужным крылом,
Пленённый школьным шалуном...

Мотылёк — одно из пяти слов, впервые напечатанных с буквой Ё в 1796 году в «Аонидах» (третье по счёту), содержится в стихотворении Василия Васильевича Капниста «Мотылёк». Именно с Е, что только подчёркивает технологические трудности типографии, которой нужно было изготовить всего одну литеру крупного кегля для заглавия стиха. И хлопотно это, и дорого. В том же 1796 году *Во градѣ св. Петра въ типографіи Государственной Медицинской Коллегии* напечатаны были *Сочиненія Василія Капниста*. И вот в этой книге название стихотворения напечатано по-старому «*МОТЫЛІ́ ОК*».

Но вы разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великоленные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшённые проворно
Толстого кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжёт вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подаёт,
И дрожь, и злость меня берёт...

Глаголы *пройдёт*, *берёт* и *принёс*, то есть глаголы с буквой Ё, впервые напечатаны в 1798 году у Державина именно в такой очередности. Что же до ударений в этой строфе, то просто лишний раз убеждаешься, как же нужны ударения русской орфографии и здесь не нужно скупиться, ну, например:

...Ничтожный призрак, иль ещё
Москвич в Гарольдовом плаще...

Или:

Случалось ли поэтам слёзным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.

Ведь ныне говорят только *слёзный*. Или:

Со сна садится в ванну со льдом
И после, дома целый день,
Один в расчёты погружённый,
Тупым киём вооружённый,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

Буква Ё, как правило, всегда подударна. Позвольте ещё раз возвратиться к сакраментальному дуэту: *все* и *всё*.

Всё указывает на неё,
И все кричат: моё! моё!

Представьте себе написанные выше строчки без буквы Ё, а такое делается ныне повсеместно, и станет горестно за русский язык. В уже цитируемом издании 1978 года на странице 146 напечатано:

«Там мужички-то *всЁ* богаты,
Гребут лопатой серебро...»,

а Пушкин здесь слово *все* написал с буквой *ять*, что означает *безспорный* признак сейчас напечатать местоимение *все!* Подобная ошибка повторяется, видимо, во всех советских изданиях.

Лежат передо мной четыре «Евгения Онегина»: изданы в 1936, 1949, 1978 и в 2003 годах. XIX строфа I главы:

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?

Да вот только в издании 1936 года слова: *что*, *где*, *другие* напечатаны с заглавных букв. Всё остальное идентично. «Между тем, — как замечает известный пушкинист М.И. Шапир, — в изданиях 1833 и 1837 годов первое слово в третьей строке — не наречие, а местоимение, написанное через «ять»: *Всѣ тѣ же ль вы?* Смысл другой, но передать его не-

вая орфография не в состоянии: с помощью двух точек можно заставить читать «е» как «ё», но нет такого знака, который запрещал бы читать как «ё» букву «е» без точек»².

Недоразумение в нашей орфографии, которая долгие годы из-за факультативности применения абсолютно необходимой буквы Ё пребывала в режиме определённой дефективности, ныне близко к разрешению. Пример подаёт «Литературная газета», основанная в 1830 году при участии самого Пушкина. Читаем на первой полосе первого номера за 2004 год: «ВОЗВРАЩЕНИЕ. Ё — моё. В первом номере нового года «Литературная газета» возвращает на свои страницы букву «Ё», которая по непонятным причинам была выкинута из культурного обихода. Мы не раз поднимали на своих страницах вопрос о букве «Ё». И нам так и не удалось найти мало-мальски разумных причин отказа от использования нормальной нашей буквы. Отказа, который обеднял и уродовал русскую речь.

Поэтому сегодня буква, без которой русский язык неполный, возвращается на страницы «ЛГ». Надеемся, нашему примеру последуют все, кому безразлична судьба русской речи».

И я полон не только надежд, но и уверенности, что уже в 2004 году «Евгений Онегин» будет напечатан в режиме регулярного использования буквы «Ё», о чём на видном месте будет сообщено читателю. И вот тогда все слова пушкинских оригиналов *все* станут писаться и читаться как *все*, а вот написанные у Пушкина как *все* будут писаться, а стало быть, и произноситься — *всё*. Вот и всё!

Можно было бы продолжать и продолжать, ведь Пушкин неисчерпаем, но остановимся, приведя здесь 14-строчную онегинскую строфу, в которой буква Ё встречается аж 12 раз.

Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тётушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец;
Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжёт Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семён Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг мосьё Финмуш,
И тот же шниц, и тот же муж;
А он, всё клуба член исправный,
Всё так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьёт за двух.

И наконец, последнее замечание. В мае 1917 года министр просвещения Временного правительства А.А. Мануйлов не нашёл ничего лучшего, как начать реформировать русское правописание. Эту крайне непопулярную мануйловскую реформу 10 октября 1918 года узаконил декрет ленинского правительства, подписанный наркомом просвещения А.В. Луначарским. В нём пункт 10 гласил: «Писать в родительном падеже единственного числа местоимений личного женского рода ЕЁ вместо ЕЯ». В том же декрете есть пункт 9: «Писать в женском роде ОДНИ, ОДНИМИ вместо ОДНЕ, ОДНЕХ, ОДНЕМИ».

Советские издатели и редакторы А.С. Пушкина, возможно, боясь гнева могущественного Главлита, бросились «подгонять» правописание Поэта под эти требования кадетско-большевистской орфографии. Но не тут-то было. Во многих случаях Ея Величество Рифма сделать это не дала и остались нам, слава Богу, такие прелестные и такие всем понятные «реликты»:

К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный *ея*
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Но без драки... (Гл. 7, XVI)
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне;
Семь суток ехали *оне*. (Гл. 7, XXXV)
Потом, в оплату лепетанья,
Ея сердечного признанья
Умильно требуют *оне*.
Но Тая, точно как во сне,
Их речи слышит без участия... (Гл. 7, XLVIII)

Вот только, увы, в последнем примере сейчас вместо «*Ея* сердечного признанья» печатают «*Её* сердечного признанья». Такое же, по-моему, вредное вмешательство в написанное Пушкиным встречается абсолютно во всех его произведениях. Например, в стихотворении «К Родзянке»:

Улыбка, взор *ея* очей...
Хвало, мой друг, *ея* охоту...

После 1918 года эти милые ЕЯ заменены на ЕЁ. Только зачем это делать у А.С. Пушкина? И с какой стати здесь в местоименном прилагательном нужно вместо почти безударного ЕЯ поставить ЕЁ со всегда ударной буквой Ё? Это ведёт к существенному искажению эвфонии пушкинского стиха. А если проще —

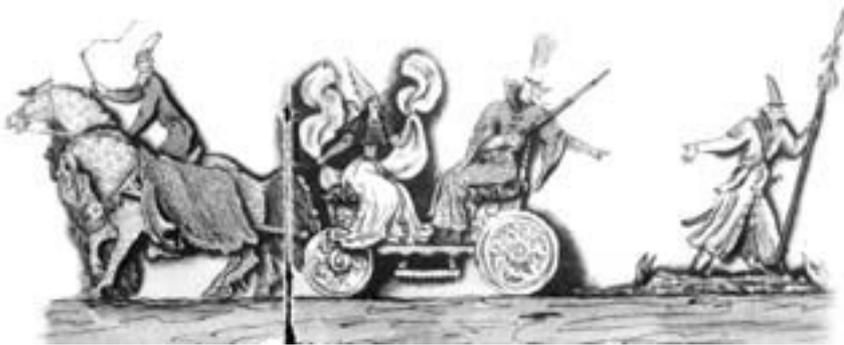
² Шапир М.И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист. М., 2001.

согласитесь — не говорил Пушкин ни «её очей», ни «её охоту», а вот «ея очей» и «ея охоту» точно и говорил, и так же написал. И я думаю, что менять не следует.

Какие бы мне хотелось сделать выводы.

Я отдаю себе полный отчёт о наличии серьёзных сложностей при печатании текстов XIX века с Ё, а поэтому их подготовкой должны заниматься специалисты-филологи, знатоки языка и русской классической литературы, которые имеются в нашей стране. Кроме того, следует помнить, что тексты прошлого века, в которых присутствуют сложности в различении Е и Ё, как раз и составляют тот золотой фонд русской литературы, на которых должны воспитываться наши дети. Многие из них и издаются для детей, а значит, уже печатаются с буквой Ё. Следовательно, никаких сложностей с их всеобщим печатанием в таком виде нет.

Блестящим подтверждением этого служит появившиеся в 1999 году сказки Пушкина с рисунками классика-иллюстратора детской книги Владимира Михайловича Конашевича (1888–1963) (Москва,

издательство «Росмэн»). В книгу вошли четыре сказки: «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О мёртвой царевне и о семи богатырях», «О золотом петушке». Тёплое и трогательное обращение к родителям и воспитателям принадлежит перу Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). В этой книге для взрослых, поскольку написано, что она «для дошкольного возраста», поставлены не только все бук-

вы Ё, в том числе и в обращении Паустовского к родителям, но и огромное число ударений во всех сомнительных местах, где современный читатель может ошибиться и исказить пушкинскую просодию. За это нужно сердечно поблагодарить ответственно и художественного редактора А.Б. Сапрыгину.

И в заключение позвольте, как на викторине, задать читателям вопрос.

С чего начинается «Евгений Онегин» — роман в стихах?

Кто-то скажет, что с эпитафии на французском: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того ещё той особенной гордостью, которая... Из частного письма».

А что следует за этим эпитафией?

Строфа в 17, да, в 17, а не в 14 строк, и текст её содержит обращение к кому-то:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить

Залог достойнее тебя...

И уж после этого идёт ГЛАВА ПЕРВАЯ, эпитафия «И жить торопится и... К. Вяземский» и, наконец, первая строфа I.

Но не так было прежде, например в 1887 году, при издании «Онегина» Сувориным. Сразу после слов «РОМАН В СТИХАХ» там напечатано: «Петру Александровичу Плетнёву».

Берём Большую Советскую энциклопедию 1975 года, том 20 и читаем: «П.(летнёв) был дружен с Жуковским, Н.В. Гоголем, А.С. Пушкиным, который посвятил ему роман «Евгений Онегин».

Думается, что при переиздании необходимо или вернуть Петра Плетнёва на первую страницу Романа, или объяснить, почему он там стал неуместен.

Да разве нет ещё изрядно и других недоразумений при издании Пушкина, за которые нам сейчас неловко.